

Рудольф Эрих Распе

Приключения барона Мюнхгаузена

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148094

Приключения барона Мюнхгаузена [Текст] / предисл. А. Климова; оформл. серии М. Курдюмова;

худож. М. Мосияш: Детская литература; Харьков; 2012

ISBN 978-966-14-0560-7

Аннотация

В этой книге собраны удивительно правдивые рассказы о фантастических приключениях выдумщика и весельчака барона Мюнхгаузена. Его невероятно смешные истории поднимут настроение и перенесут читателей в светлый и счастливый мир неукротимой фантазии.

Содержание

Путеводитель для веселых людей	5
Часть I	8
Приключение первое	8
Приключение второе	11
Приключение третье	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Рудольф Эрих Распе

Приключения барона Мюнхгаузена

Перевод с немецкого:

«Baron Münchhausen» by Rudolf Erich Raspe

В оформлении обложки использована иллюстрация Михаила Курдюмова

Художник Марина Мосияш

По изданию:

Распе Р. Э. Путешествия и приключения барона Мюнхгаузена. – СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1902.

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2010, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2010

* * *

Путеводитель для веселых людей

Книга, которую вы держите в руках, – уникальна. И не только потому, что она занимает почетное место в истории европейской литературы, но и потому, что создана она как автором, так и его главным героем. Оба они были реальными людьми, и до сих пор не утихают споры среди специалистов, чья роль в появлении на свет «Рассказов барона Мюнхгаузена о его изумительных путешествиях и кампаниях в России» важнее: филолога и знатока древностей Рудольфа Эриха Распе (1737–1794) или барона Иеронима Карла Фридриха фон Мюнхгаузена (1720–1797). Так или иначе, но книга имела ошеломительный успех не только у современников, но и у потомков, породила множество подражаний, а в наше время была не раз экранизирована. И неудивительно – завораживающее мастерство, с которым написаны, а до того наверняка рассказаны в кругу друзей эти удивительные и фантастические истории о путешествиях и приключениях, полные юмора и живых подробностей, не могло оставить читателей равнодушными.

Кто же они, эти двое, хорошо знавшие друг друга, на протяжении многих лет поддерживавшие дружеские отношения, а затем жестоко рассорившиеся из-за знаменитой книги, обессмертившей имена обоих? Их судьбы, как и судьбы многих европейцев второй половины бурного XVIII века, сами по себе могут составить сюжет увлекательного романа.

Первый из предков барона Иеронима Карла Фридриха фон Мюнхгаузена – потомок древнего саксонского рыцарского рода – принимал в XII веке участие в крестовом походе под предводительством Фридриха Барбароссы. Один из его сыновей угодил в монастырь, был выпущен оттуда по императорскому указу, и с него, получившего прозвище Мюнхгаузен (буквально «монастырь»), которое позднее стало фамилией, началась новая ветвь старинной семьи, а на гербе всех Мюнхгаузенов с того времени стали изображать монаха с посохом и книгой. Среди них были вельможи и полководцы, министры и даже основатель прославленного Геттингенского университета в Германии.

Иероним Карл Фридрих родился в поместье Боденвердер недалеко от Ганновера и в возрасте пятнадцати лет поступил пажом на службу к владетельному герцогу Брауншвейг-Вольфенбюттельскому Фердинанду Альбрехту II. Двумя годами позднее Мюнхгаузену пришлось отправиться в Россию вместе с сыном герцога, который стал женихом принцессы Анны Леопольдовны, которой правившая в то время в России бездетная императрица Анна Иоанновна хотела передать власть. Однако сватовство затянулось на несколько лет, а тем временем молодой герцог успел поучаствовать в войнах, которые вела в то время Российская империя с Турцией и Швецией. Разумеется, юный паж сопровождал его повсюду. Лишь в 1739 году состоялась свадьба герцога Антона Ульриха с Анной Леопольдовной, Мюнхгаузен же, освободившись от обязанностей пажа, поступил в чине корнета в Брауншвейгский кирасирский полк и уже через год стал поручиком и командиром первой элитной роты кирасиров.

Однако в 1741 году власть в России захватила Елизавета, дочь Петра I, и принц Антон Ульрих и его супруга угодили в Рижский замок, причем поручик Мюнхгаузен стал невольным стражником своих прежних высоких покровителей. Его блестяще начатая карьера прервалась – следующий офицерский чин барон с превеликим трудом получил лишь в 1750 году, несмотря на репутацию безупречного офицера. Но еще задолго до этого Мюнхгаузену довелось командовать почетным караулом, встречавшим невесту наследника российского престола – Софию–Фридрику Ангальт-Цербстскую – будущую императрицу Екатерину II.

В 1752 году барон, взяв годичный отпуск от службы, вернулся в родной Боденверден, провинциальный городок, который на протяжении нескольких столетий вместе с окрестностями являлся владением семьи Мюнхгаузенов. Однако отпуск затянулся на несколько лет,

и Иероним Карл Фридрих подал в Военную Коллегию прошение об отставке и в Россию больше не возвращался.

С этого времени барон вел мирную жизнь зажиточного землевладельца – встречался с соседями-помещиками, охотился в окрестных лесах и полях, изредка наезжал в соседние города Ганновер и Геттинген. В своем поместье Мюнхгаузен построил особый павильон, увешанный охотничьими трофеями, чтобы принимать там друзей. Уже после его смерти это строение прозвали «павильоном лжи» – именно там хозяин, прирожденный рассказчик и импровизатор, «угощал» гостей невероятными историями о своих приключениях в России. Вот как описывал современник вечера в «павильоне лжи», которые собирали множество поклонников барона: «Обычно он начинал рассказывать после ужина, закулив свою огромную пенковую трубку с коротким мундштуком и поставив перед собой дымящийся стакан пунша... Чем дальше, тем он жестикулировал все выразительнее, крутил на голове свой маленький щегольской паричок, лицо его все более оживлялось и краснело, и он, обычно очень правдивый человек, в эти минуты замечательно воплощал в лицах свои фантазии».

Одним из постоянных слушателей барона был его добрый приятель из Ганновера Рудольф Эрих Распе – один из образованнейших людей своего времени, изучавший естественные науки и филологию в Геттингене и Лейпциге, знаток философии и археологии, писатель и историк литературы. В те годы Распе служил секретарем в университетской библиотеке, был издателем сочинений философа Лейбница и автором одного из первых немецких рыцарских романов «Хермин и Гунильда». В 1767 году Распе стал профессором университета «Каролинум» и смотрителем антикварного и монетного кабинета. Много времени он отдавал путешествиям по немецким землям в поисках различных редкостей, монет и древних рукописей для коллекции ландграфа Кассельского. При этом Распе был беден, частенько влезал в долги и однажды не устоял – продал часть монет из собрания ландграфа, чтобы поправить свое финансовое положение. Пропажа была обнаружена, власти выдали ордер на арест хранителя, и к нему в дом явились стражники. Но тут случилась почти невероятная вещь. Люди, пришедшие арестовывать Распе, были буквально потрясены его даром рассказчика и наслушались таких невероятных историй, что дали ему возможность бежать из города.

Таким образом, Распе и Мюнхгаузен стояли друг друга – оба были сочинителями фантастических сюжетов и мастерами устного рассказа. Распе перебрался в Лондон, где продолжал бедствовать до тех пор, пока ему в голову не пришла блестящая идея – опубликовать истории, рассказанные его приятелем Мюнхгаузенем, на английском. В книгу, вышедшую без указания имени автора, Распе включил несколько уже известных в Германии историй, принадлежавших Мюнхгаузену, – они были напечатаны раньше в сборнике «Путеводитель для веселых людей». Но к этим историям он добавил и несколько собственных, позаимствовав сюжеты греческих, римских и восточных анекдотов и превратив книгу в цельное произведение, объединенное фигурой рассказчика.

Книга имела огромный успех. Одно за другим выходили новые издания, принося автору внушительные суммы, а имя барона Мюнхгаузена вскоре стало нарицательным в Англии для обозначения виртуозного рассказчика-вралю, что, разумеется, не доставляло ни малейшего удовольствия потомку крестоносцев и достойному офицеру русской службы, каким был подлинный Мюнхгаузен.

Чаша терпения барона переполнилась, когда книга Распе появилась в Германии. В переводе на немецкий было названо его полное имя и приведены подробности его жизни, что привело Мюнхгаузена в неопишемую ярость. Поначалу он решил было вызвать Распе на дуэль, но поскольку тот был недосыгаем, подал на него в суд за причинение ущерба чести дворянина.

Суд, однако, отверг иск барона, так как в книге не было указано имя автора. А тем временем творение Распе приобрело в немецких землях такую популярность, что в Боденвердер стали стекаться зеваки – поглазеть на «барона-лжеца». Мюнхгаузену пришлось выставить вокруг дома кордон из слуг, чтобы не допускать любопытных бюргеров.

Так еще при жизни, не сделав на своем веку ничего предосудительного, барон Мюнхгаузен превратился в литературный персонаж, который заслонил его подлинный образ. К нему прилепилось прозвище «короля лжецов» и «вралю из вралей», и даже хорошо знавшие барона родственники отвернулись от него, обвинив в том, что он опозорил их имя.

Реальный Иероним Карл Фридрих фон Мюнхгаузен окончил свои дни в одиночестве в пустом и холодном доме, полностью разоренный. За больным бароном ухаживала единственная служанка; когда, уже незадолго до его кончины, она помогала немощному старику переобуться и обнаружила, что у Мюнхгаузена недостает двух пальцев на ноге, барон от души рассмеялся и отпустил свою последнюю шутку: «Я потерял их во время охоты в России – их откусил белый медведь!»

А что же Распе? Он покинул этот мир на три года раньше своего героя. На деньги, вырученные от продажи книг о Мюнхгаузене, писатель приобрел шахту в Ирландии, но не успел даже начать разработку угля, как заразился сыпным тифом, перед которым медицина того времени была бессильна.

В наши дни в Боденвердере имя Мюнхгаузена носят улица, ресторан, отель, аптека и даже кинотеатр. Есть там и памятник– фонтан, изображающий барона восседающим на половине лошади, жадно припавшей к воде. В усадьбе Мюнхгаузена сегодня разместились городская мэрия, а в здании школы открыт его музей. За два минувших столетия в разных странах увидело свет около шестисот книг с продолжениями приключений Мюнхгаузена и о нем самом. Причем некоторые из них написаны его потомками – теми, которые когда-то стыдились своего родства с «бароном-вралем».

Часть I

Приключения на суше

Приключение первое

Прямо из дому отправился я в Россию, в самой середине зимы, совершенно правильно рассуждая, что в зимнюю пору на севере Германии, Польши, Курляндии и Лифляндии проезжие дороги, которые, по свидетельству всех путешественников, еще убийственнее дорог, ведущих к храму Добродетели, должны улучшиться благодаря снегу с морозом – без всякого вмешательства власть имущих, обязанных печься об удобствах населения.

Поехал я верхом. Это самый практичный способ сообщения, конечно, при отменных качествах и лошади, и ездока. Тут, во всяком случае, не ввяжешься неожиданно-негаданно в поединок с каким-нибудь щепетильным немецким почтмейстером, да и томимый жаждою почтальон не станет самовольно завозить вас по пути в каждый шинок. Оделся я в дорогу довольно легко, и холод порядком донимал меня по мере того, как я подвигался на северо-восток.

Можно себе представить, как при такой стуже и ненастье чувствовал себя несчастный старик, на которого я нечаянно наткнулся в Польше. Он лежал на голой земле у края дороги, дрожащий, беспомощный, едва прикрывая свою наготу жалким рубищем, неспособным защитить его от пронзительного северо-восточного ветра.

Мне стало ужасно жаль беднягу. Сам я совсем околел, но тем не менее набросил на него свой плащ.

После этого я как ни в чем не бывало поехал дальше, не останавливаясь до тех пор, пока меня не застигла ночь, окутав все вокруг непроглядным мраком. Ни огонька, ни звука, которые указывали бы на близость селения. Все окрест лежало под снегом, я сбился с дороги и заплутался.

Верховая езда утомила меня до полного изнеможения. Пришлось слезть с лошади, которую я привязал к какому-то крепкому колу, торчавшему из снежного сугроба.

Захватив с собою, ради безопасности, свои пистолеты, я улегся поблизости на снег и так здорово уснул, что продрал глаза только уже среди бела дня.

Каково же было мое изумление, когда я очутился на церковном дворе! Сначала я решил, что моей лошади и след простыл. Но вот я услышал где-то наверху конское ржание. Поднимаю глаза и вижу: конь мой висит на поводу, привязанном к шпилью колокольни.

Тут я сообразил, в чем дело. Деревню за ночь совсем занесло снегом, потом погода резко переменилась. За время сна я незаметно опускался все ниже, по мере таяния снега, пока не достиг твердого грунта; а то, что я принял в темноте за сломанное деревце, торчавшее из сугроба, оказалось шпилем колокольни с флюгером, к нему-то и была привязана моя лошадь.

Не раздумывая долго, схватил я пистолет, выстрелил в ремень, на котором болталось бедное животное, и, благополучно получив его обратно в свое владение, продолжил путь.

Все шло хорошо, пока я не добрался до России, где зимою и вовсе не принято ездить верхом.

Мое правило – приспособливаться к обычаям той страны, куда занесет меня судьба; поэтому я достал одноконные саночки и, повеселевший, покатыл в Петербург.

* * *

Не могу припомнить, где именно случилось со мной одно происшествие: в Эстляндии или в Ингерманландии, знаю наверняка только, что дело происходило в дремучем лесу. За мною погнался страшный матерый волк. Побуждаемый жестоким зимним голодом, он вскоре настиг меня, и мне, казалось, уже не было спасения. Машинально бросился я ничком в сани, предоставляя лошади спасти нас обоих по ее разумению.

Тут случилось то, чего я смутно желал, не смея, однако, рассчитывать на такой счастливый исход.

Волк действительно не обратил никакого внимания на мое тощее тело, но, перепрыгнув через меня, яростно накинулся на лошадь, растерзал и моментально проглотил всю заднюю часть несчастного животного, которое продолжало мчаться во весь дух, вне себя от страха и боли.

Благополучно избегнув неминуемой гибели, я тихонько приподнял голову и с ужасом увидел, что голодный зверь все дальше и дальше вгрызается в свою добычу. Дав ему время поглубже зарыться во внутренности лошади, я огрел волка кнутом. Тот с перепугу рванулся что было мочи вперед; тогда труп лошади шлепнулся наземь, а волк очутился в ее шкуре и хомуте. Я же не переставал беспощадно хлестать его, и таким образом оба мы, здоровы и невредимы, примчались стрелой в Петербург, совершенно против нашего обоюдного чаяния и к немалому изумлению встречающих.

* * *

Не стану, милостивые государи, докучать вам пустой болтовней, описывая порядки в роскошной русской столице, процветание в ней наук и искусств и всякие ее достопримечательности, и того менее хотелось бы мне познакомить вас с интригами и забавными приключениями в избранном петербургском обществе, где, между прочим, принято, чтобы хозяйка дома, встречая гостя, непременно подносила ему рюмку водки из своих рук и громко чмокалась с ним.

Напротив, я намерен привлечь ваше внимание к более достойным и благородным предметам, таким, например, как собаки и лошади, до которых я всегда был страстным охотником, а кроме того, к лисицам, волкам и медведям, водящимся в России, как и всякая дичь, в таком совершеннейшем изобилии, о каком не имеют и понятия в иных странах.

Затем мы, наконец, перейдем к увеселительным поездкам, молодецким забавам и славным подвигам, украшающим дворянина получше обрывков тарабарщины, именуемой греческим языком и латынью, или разных благовонных изделий, коков да завитушек, придуманных французскими умниками и парикмахерами.

Поскольку я не мог немедленно поступить на службу в армию, то у меня оставалось около двух месяцев свободного времени, которое я волен был тратить в веселой компании, как и свои деньги, самым благороднейшим манером, прилично своему званию.

Ночи у нас проходили за игрою или кутежом при звоне полных рюмок.

Холодный климат России и нравы русской нации способствовали тому, что здесь бутылка заняла гораздо более почетное положение промеж общественных удовольствий, чем то, которое занимает она в нашей трезвой Германии. Немудрено, что я встречал среди русских истинных виртуозов по части благородного искусства выпивки. Однако все они и в подметки не годились одному седобородому генералу с медно-красным лицом, обедавшему обыкновенно с нами за общим столом.

Этот старик потерял в сражении с турками верхнюю часть черепа, поэтому, как только в нашем обществе оказывалось незнакомое лицо, он с самой задушевной обходительностью извинялся за то, что принужден сидеть за столом, не снимая шляпы. За обедом генерал имел привычку опорожнять по нескольку графинчиков водки, а под конец обычно запивал эту порцию бутылкой арака или же, смотря по обстоятельствам, удваивал ее. Тем не менее почтенный ветеран при этом нисколько не хмелел.

По-вашему, это выходит за всякие мыслимые рамки?

Извиняю вас, господа; я и сам долго терялся, не зная, чем объяснить такие странности, пока одна случайность не дала мне в руки ключ к этой любопытной загадке.

Дело в том, что наш собутыльник время от времени как будто машинально слегка приподнимал свою шляпу. Я нередко видел этот жест, не придавая ему, однако, никакого значения. Что лбу генерала становилось жарко, было так же естественно, как и то, что старик освежал голову.

Наконец мне удалось подметить, что вместе со шляпой он приподнимает и приделанную к ней серебряную пластинку, заменявшую ему оторванный верх черепа. При этом винные пары от выпитых им крепких напитков улетучивались, устремляясь легким облачком кверху.

Таким образом непонятное объяснилось.

Я сообщил об этом некоторым закадычным приятелям, предлагая подтвердить в тот же вечер свое диковинное открытие наглядным опытом.

С курительной трубкой в руке незаметно подкравшись сзади к старику, я выждал, пока он снимет шляпу, и тут с помощью клочка бумаги поджег поднимавшиеся винные пары.

Нам тотчас представилось небывалое и красивое зрелище. В один миг испарения над головой нашего героя превратились в столб пламени, а часть паров, остававшаяся над волосами старика, мгновенно вспыхнув, образовала вокруг головы голубое сияние в виде нимба.

Мой опыт, разумеется, не мог быть не замечен им; однако генерал не только не рассердился, но даже позволял нам с тех пор повторять эти проказы. Каждый раз, когда за нашим столом появлялся новый человек, мы спешили устроить для него это ошеломляющее зрелище, а желая придать последнему еще больше блеска, начинали наперебой предлагать генералу пари на бутылку арака, старались при этом нарочно проиграть ему и заставляли выпивать его одного все количество выигранного им вина.

Наконец ореол ветерана разросся до таких размеров, что его обладателю уже не стало больше места между простыми смертными. В один прекрасный день он покинул наш бранный мир, вероятно, с тем, чтобы переселиться в Валгаллу и пировать там среди героев, стяжавших бессмертие.

Приключение второе

Обхожу молчанием множество других веселых проказ, в которых, смотря по разным обстоятельствам, мы играли роль то действующих лиц, то зрителей. Теперь у меня на уме позабавить моих слушателей рассказом о несравненно более удивительных и интересных приключениях на охоте.

Было бы излишним упоминать о том, что я больше всего любил водить компанию с людьми, питавшими пристрастие к благородной охотничьей забаве и знавшими в ней толк. Постоянная смена впечатлений, доставляемых охотой, а также необычайное счастье, сопутствовавшее мне в моих охотничьих похождениях, делают эти воспоминания о временах моей молодости исключительно интересными.

Однажды поутру, выглянув из окошка своей спальни, я так и ахнул: расположенный по соседству большой пруд был весь усеян дикими утками.

Схватил я, не теряя ни мгновения, ружье, стоявшее тут же, в углу, и до того стремительно сбежал с лестницы, что треснулся лицом о дверной косяк. Из глаз у меня посыпались искры, однако мешкать было нельзя.

Добежав до пруда на расстояние выстрела, я уже хотел прицелиться, как вдруг, к своему отчаянию, убедился, что от моего ружья при жестоком ударе об дверь отскочил кремьень.

Что оставалось мне делать? Терять время было невозможно. К счастью, я вспомнил, что происходило только что с моими глазами. Проворно взведя курок, я прицелился в заманчивую дичь и саданул кулаком по своему глазу. От сильного удара из него опять полетели искры, порох воспламенился, грянул выстрел, и я положил на месте пять пар уток, четырех хохлаток и двух лысух.

* * *

Присутствие духа – главное в молодецком удалстве. Солдаты и мореходы часто бывали обязаны ему своим спасением, однако и охотников выручает оно сплошь и рядом.

Вспоминаю я, как однажды, бродя по берегу озера, опять увидал с полсотни диких уток, которые были на этот раз рассеяны на таком обширном пространстве, что никак нельзя было рассчитывать положить одним выстрелом более двух-трех. На беду, в моем ружье оставался последний заряд; между тем у меня явилось непреодолимое желание унести домой непременно всю прилетевшую на озеро дичь, так как я ожидал к обеду довольно большое и приятное общество.

Вдруг мне пришла в голову счастливая мысль. В моей охотничьей сумке уцелел кусочек ветчинного сала – остаток взятой из дома провизии. Я взял собачью сворку, рассучил ее, чтобы сделать возможно длиннее, и привязал к концу кусочек сала.

Спрятавшись в прибрежном тростнике, я закинул в воду свою нехитрую приманку и стал ждать.

Вскоре, к моей радости, она была замечена одною из уток. Птица поспешно поплыла к ней и жадно проглотила это лакомое угощение. Прочие утки бросились следом за первой.

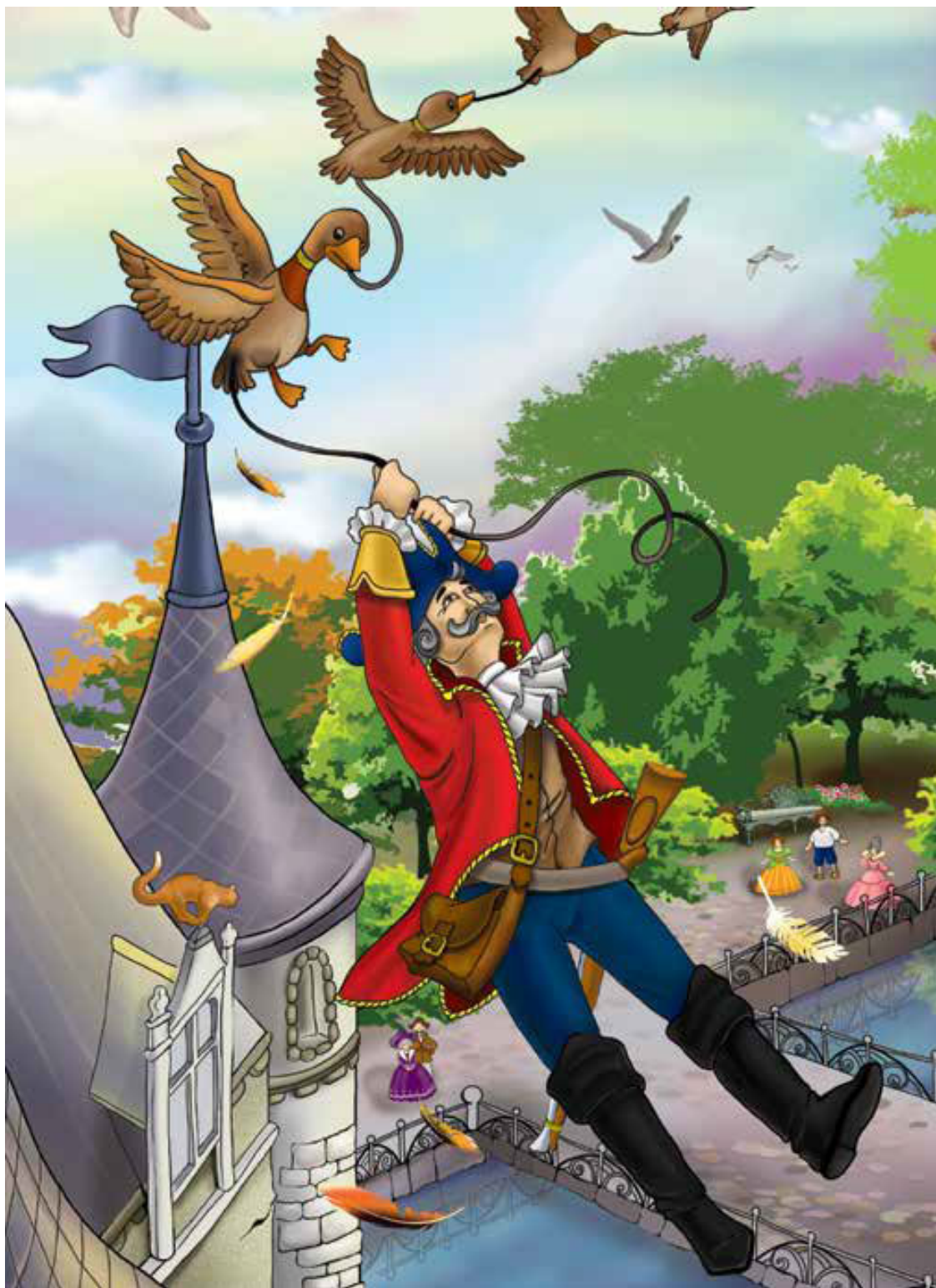
Скользкое сало чрезвычайно быстро прошло по всем внутренностям утки и, выйдя из нее с другого конца, снова очутилось в воде, где было вторично проглочено другой, потом третьей птицей и так далее всеми поочередно до самой последней.

В каких-нибудь несколько минут моя приманка совершила путешествие по внутренностям всех уток, причем веревочка, к счастью, не оборвалась и птицы (все до одной!) оказались нанизанными на ней, точно бусы.

И вот теперь, преспокойно вытащив на берег мою незамысловатую снасть с пойманной дичью, я весь обмотался ею, после чего двинулся к своему дому.

Шел-шел и устал. Путь неблизкий, а тащить такое множество добычи становилось мне не под силу, и я уже начал сожалеть о своей ненасытности. Но тут стесняющая меня ноша принесла мне громадное облегчение. Все утки оставались еще живы! Оправившись немного от испуга и недоумения, они вдруг захлопали крыльями и попытались взмыть в небо.

Всякий другой на моем месте растерялся бы; я же воспользовался таким неожиданным оборотом дела и, поднявшись над землею, стал действовать в воздушном пространстве лапами своего камзола как веслом, чтобы устремить полет к своему жилищу. Когда уже летели над ним, я, чтобы спуститься на землю, торопясь, стал поочередно сворачивать шею моим уткам. Эта операция представляла немалое затруднение, потому что я был принужден начать с самой передней, и если моя отчаянная попытка удалась, то лишь благодаря смелым кувырканиям в воздухе, которые я повторял столько раз, сколько было у меня птиц. Свернув шею последней утке, я медленно спустился в печную трубу и шлепнулся прямо на кухонный очаг, который, к большому счастью для меня, не был еще растоплен.

Трудно описать переполох, вызванный в кухне моим появлением таким не совсем обычным манером. Однако испуг кухонной челяди перешел в радость, когда прислуга, кроме своего господина, увидела еще и его богатую добычу, обещавшую изобильное угощение гостям и домочадцам.

* * *

Похожий случай вышел у меня и со стаей куропадок.

Я отправился на охоту опробовать новое ружье и уже расстрелял весь запас дробы, как вдруг, уже и не надеясь, увидел снявшуюся с места стаю куропадок. Желание добыть несколько из них в тот же вечер к своему столу подсказало мне одно замечательное средство, к которому я советую прибегать и вам, господа, при подобных обстоятельствах.

Подметив, куда опустилась дичь, я скорехонько зарядил ружье вместо свинца шомполом, конец которого заострил на скорую руку. После того я пошел на куропадок и выстрелил по ним в тот миг, когда они вспорхнули. Всего в нескольких шагах от меня мой шомпол опустился на землю с нанизанными на нем семью птицами, которые, должно быть, немало удивились, очутившись так внезапно на самодельном вертеле.

Недаром говорится: «На Бога надейся, а сам не плошай». Но чудо еще не довершилось. Подняв с земли пронзенных птиц, я только хотел запрятать их в свою охотничью сумку, как вдруг заметил, что они оказались уже изжаренными на шомполе, раскалившемся докрасна при выстреле. Перья с них опали, а мясо так аппетитно зарумянилось, что оставалось только положить их на блюдо и подавать на стол. При этом дичь приобрела особый пикантный привкус, который нравится утонченному гурману.

Другой раз попалась мне в одном из дремучих лесов России великолепная чернобурая лисица. Было бы жаль испортить ее драгоценный мех, пробив его пулей или зарядом дробы. Кумушка-лиса стояла, прижавшись к дереву.

В один миг я вытащил пулю из моего ружья, заменил ее крупным плотничьим гвоздем, выстрелил и попал так метко, что пригвоздил пушистый хвост красивого зверя к древесному стволу. После того, спокойно подойдя к лисице, я взял свой охотничий нож, рассек ей крест-накрест кожу на морде и давай хлестать животное нагайкой. Лиса скорехонько выскочила из своей шкуры да и была такова. Я же вернулся домой с богатым трофеем.

* * *

Случай и удача нередко исправляют наши промахи; в этом я убедился вскоре после рассказанного происшествия.

Однажды увидел я в лесной чаще детеныша кабана, за которым бежала его matka. Выстрелив по ним, я, к сожалению, промахнулся. Только смотрю: что за чудо? После выстрела детеныш улепetyвает что есть духу, а matka же стоит на месте как вкопанная.

Подойдя ближе, я присмотрелся к ней и убедился, что она ослепла от старости, почему и держалась зубами за хвост поросенка, служившего ей проводником – в исполнение сыновнего долга. Свинья бежала за ним, когда пуля, пролетевшая так благополучно для них и так неудачно для меня – между матеркой и детенышем, перебила эту живую привязь. Обратившийся в бегство раненый поросенок-поводырь перестал тянуть за собою свинью, и она, естественно, остановилась в недоумении, не выпуская из пасти остатка отстреленного поросенчьего хвоста. Недолго думая, я ухватился за этот кончик и преспокойно повел слепую кабанью самку к себе домой – без малейшего сопротивления со стороны беспомощного старого животного.

* * *

Как ни страшны дикие свиньи, вопри куда как свирепее и опаснее их.

Однажды я, не готовый ни к нападению, ни к защите, наткнулся неожиданно-негаданно в лесу на матерого вепря. Едва-едва удалось мне скрыться от него за могучим дубом. Тогда разъяренное животное, думая поразить меня, ударило с такой силой по древесному стволу, что его клыки глубоко вонзились в дерево и застряли в нем.

«Погоди же ты, – подумал я, – теперь тебе не вырваться».

Схватив камень, я принялся заколачивать им клыки вепря еще глубже в твердый дуб. Как ни рвался зверь от боли и бешенства, его отчаянные усилия ни к чему не привели. И пришлось этому супостату волей-неволей дожидаться моего возвращения из соседней деревни, куда я сбегал за веревками и телегой, чтобы привезти его живьем к себе домой, что и ухитрился сделать без особенных затруднений.

* * *

Конечно, милостивые государи, вы слыхали о святом Губерте – храбром покровителе охотников и стрелков, – а также о благородном олене, который явился ему в лесу со святым крестом между рогами?

Каждый год в удалой компании усердно воздавал я честь и хвалу охотничьему патрону и сто раз видывал священного оленя либо нарисованным в церквах, либо вышитым на гербах рыцарей. Блюдя правила чести и совести доброго охотника, едва ли сумею сказать определенно, водились только прежде такие олени с крестами или же они существуют и в наши дни. А только вот что вышло однажды со мною самим.

Когда на охоте расстрелял я все свои заряды, вдруг передо мной точно вырос из-под земли чудесный олень. Стоит и смотрит на меня, да так смело, словно знает, что мой патрон-таш и дробница совершенно пустехоньки.

Невмоготу мне стало: зарядил я ружье одним порохом, а вместо дробы присыпал к нему горсть вишневых косточек, которые добыл тут же, наскоро сорвав немного вишен и очистив мякоть. Этим зарядом я выстрелил по оленю и угодил ему прямо в макушку между рогами.

На один миг он был оглушен – пошатнулся, упал, однако вскочил и – давай Бог ноги.

Год или два спустя охотился я в том же лесу; вдруг – что бы вы думали? – откуда ни возьмись статный олень, а у него между рогами чудесное вишневое дерево, этак повыше десяти футов. Я тотчас припомнил свое давнишнее приключение, и так как еще с того дня считал это животное своей собственностью, то и уложил его метким выстрелом.

Таким образом в придачу к жаркому получился и замечательный десерт, потому что дерево было сплошь усеяно румяными вишнями, вкуснее которых я не пробовал до той поры.

Да, государи мои, как знать, пожалуй, какой-нибудь пылкий преподобный Немврод – настоятель монастыря или епископ, страстный любитель охоты, – вот на такой же манер украсил крестом между рогами оленя святого Губерта! Ведь духовные особы искони славились искусством по части украшения чужих лбов, да и теперь усердно поддерживают эту

славу. А добрый охотник в горячую минуту не разбирает ничего и ни перед чем не останавливается, лишь бы не упустить из рук лакомой добычи. Сужу по себе, потому что сам не раз подвергался соблазнам подобного рода. А в какие попадал я передраги, так уму не постижимо!

Например, как вам понравится вот хоть бы такой казус?

Однажды, в бытность мою в Польше, я, охотясь, был застигнут в лесу вечерними сумерками. Беда: ни света Божьего на небе, ни порошу в пороховнице! Повернул я восвояси, как вдруг валит из лесной чащи страшный медведь с разинутой пастью, и прямо на меня.

Напрасно обшаривал я проворными пальцами свои карманы в надежде нащупать остатки пороха и свинца. Мне попались под руку только два ружейных кремня, которые обыкновенно охотники берут про запас. Схватив один из этих кремней, я со всего размаха швырнул его в разинутую пасть медведя с такой силой и ловкостью, что камешек проскочил в самую глотку.

Не особенно довольный моим угощением, мишка повернул налево кругом, став на четвереньки задом ко мне, чем я и воспользовался, чтобы всадить ему второй кремень с другого конца. Пущенный не менее ловко, камешек не только попал по своему назначению, но в просторном пузе медведя еще и стукнулся что было мочи о первый. Раздался оглушительный треск, сверкнул огонь, и зверя моментально разорвало на части.

Говорят, искусный аргумент *a posteriore*¹, приведенный кстати, да еще вдобавок столкнувшийся хорошенько с аргументом *a priori*², разносил без остатка с не меньшим успехом иных свирепых ученых и философов с медвежьими повадками. Что же касается меня, то хотя на этот раз я остался здоров и невредим, однако не желал бы проделать вторично такой же штуки или столкнуться опять с медведем, не имея в запасе иных средств обороны.

Впрочем, мне точно было так уж на роду написано, чтобы на меня нападали самые страшные и лютые звери именно в то время, когда я не имел возможности дать им отпор, как будто всякий раз они угадывали мою незащищенность своим звериным чутьем.

Так, в один прекрасный день, охотясь, едва я успел свинтить кремень с моего ружья, чтобы немного наточить его, как вдруг вблизи раздалось медвежье стенание. Оглянулся: на меня идет лохматое чудовище, да так и напирает!

Все, что мог я предпринять для своего спасения, – это поспешно вскарабкаться на ближнее дерево. На беду, влезая, уронил я мой охотничий нож, которым только что орудовал, и теперь мне нечем было закрепить винт ружейного кремня, ходивший ужасно туго. Между тем медведь остановился под деревом, и я должен был ежеминутно ожидать его нападения.

Выбивать искры из своих глаз, как я делал прежде, мне больше не хотелось. Не говоря уже о прочих неудобствах этого приема, я поплатился за него сильнейшей глазной болью, от которой с тех пор так и не смог избавиться. Торчавший стоймя в снегу охотничий нож точно поддразнивал меня с затаенным коварством; я пожирал его глазами, но никакие умиленные взгляды ничем не могли помочь беде. Наконец мелькнула мысль, столь же необыкновенная, сколько и счастливая, а именно: я принялся плевать на рукоятку ножа. На жестоком морозе моя слюна немедленно замерзала, и минуты через две из нее образовалась предлинная ледяная сосулька, доходившая уже до нижних ветвей дерева. Я ухитрился дотянуться до нее рукою и без особенного труда, но с величайшими предосторожностями с помощью такого хрупкого приспособления достал наконец свой нож. Едва мои окоченевшие пальцы успели накрепко завинтить ружейный кремень, как мишка пожаловал уже ко мне с визитом.

«Право, – подумал я, – надо быть медведем, чтобы так удачно выбрать момент».

¹ Апостериори – на основании опыта, из опыта (*лат.*).

² Априори – независимо от опыта, до опыта (*лат.*).

Вслед за тем с дерева грянул такой приветственный салют в честь дорогого гостя, что тот полетел кувырком и тут же распрощался с жизнью.

В другой раз так же неожиданно бросился на меня огромный волк. Не имея иного средства обороны, я инстинктивным движением засунул ему в разинутую пасть свой кулак и, защищая собственную жизнь, проникал в его горло рукою все глубже, глубже, глубже, пока она почти до самого плеча не погрузилась в волчью утробу.

Но что же делать далее? Не могу сказать, что такое беспомощное положение было мне по душе. Оказаться лицом к лицу с волком! Я думаю, это дело нешуточное. Мы поглядывали один на другого весьма недружелюбно. Стоило мне вытащить из пасти зверя свою руку, и он бы кинулся на меня с удвоенной яростью – это слишком ясно читалось в его горящих глазах. И тогда ухватил я его покрепче за кишки, тряхнул хорошенько, вывернул наизнанку на манер перчатки, кинул наземь – да и был таков.

Однако я не рискнул прибегнуть к такому же приему, когда вскоре после этого в одном из узких переулков Петербурга за мною погналась бешеная собака.

«Нет, тут давай Бог ноги!» – сказал я себе, сбросил с плеч тяжелую шубу для пущей прыти да и юркнул в первые попавшиеся ворота.

А шуба, доложу вам, была дорогая, подбитая роскошнейшим мехом из голубых песцов, которых я настрелял собственноручно во время наших великолепных зимних охот. Я послал за нею потом своего слугу в полной уверенности, что она не пропала благодаря безлюдью на улицах, куда никто не решался в тот день высунуть нос, так как появление бешеного животного заставило всех поспешить по домам.

Ценная вещь действительно нашлась и была возвращена мне в целости, после чего я велел убрать ее в платяной шкаф вместе с прочей одеждой.

Как же я наутро испугался, когда у меня в квартире поднялся адский гвалт и я услышал голос своего лакея Ивана, громко звавшего меня из уборной:

– Пожалуйте сюда, господин барон, ваша шуба взбесилась!

Прибежав на его зов, я увидал почти все мои платья разбросанными и разорванными в клочья. Слуга в самом деле не ошибся: моя любимая шуба взбесилась, вероятно, будучи искусана бешеной собакой. Я как раз сделался очевидцем того, как она яростно напала на мой новый парадный камзол и давай трясти его, топтать, возить по полу, не щадя ни бархата, ни золотого шитья!

Только с помощью сокрушительных ударов палкой удалось нам уговорить забияку, после чего в доме водворилось наконец спокойствие.

Приключение третье

Во всех приведенных мною случаях, когда моя жизнь почти каждый раз висела на волоске, меня выручало слепое счастье, чем я умел пользоваться благодаря личной храбрости и присутствию духа. Такие условия, как известно, и способствуют появлению удачливых охотников, воинов и мореходов. Тем не менее надо быть весьма безрассудным и неосторожным охотником, адмиралом или генералом, чтобы во всякой ситуации рассчитывать лишь на свою счастливую звезду, собственную отвагу и находчивость, пренебрегая мудрыми расчетами, подготовкой к предстоящему делу и не заботясь о материальных средствах, необходимых для успеха предприятия. Что касается меня, то я не заслужил упрека в нерадении. Могу с гордостью сказать, что явное превосходство моих лошадей, охотничьих собак, огнестрельного и холодного оружия, как и выдающееся умение владеть им, создали мне самую лестную репутацию среди знатоков. Ни в лесу, ни в отъезде поле не уступал я искуснейшим звероловам, изучив до тонкости все виды этой благородной забавы. Не стану подробно описывать вам, господа, мои конюшни, псарни, как и свой домашний арсенал, предоставляя хвастаться подобными вещами пустоголовым фанфаронам дворянского звания, помешанным на лошадях, собаках и охоте. Не могу, однако, обойти молчанием двух собак, до такой степени отличившихся у меня на службе, что я до сих пор сохранил о них благодарную память.

Одна из них была легавая – поразительно умное, чуткое, неутомимое животное; каждый, кто видел ее, завидовал мне. С нею можно было охотиться и днем и ночью. Когда темнело, я вешал ей на хвост зажженный фонарь, и ночная охота выходила у нас еще удачнее дневной.

Однажды – а случилось это вскоре после моей женитьбы – жена моя выразила желание сопровождать меня на охоту. Я поехал вперед выслеживать дичь, и вскоре моя собака остановилась перед громадной стаей куропаток в несколько сот голов. Я стал поджидать баронессу, ехавшую также верхом следом за мною в сопровождении поручика моего полка и груга, однако время проходило, а никто из них не показывался. Встревоженный таким долгим их отсутствием, я повернул назад и примерно на середине пути неожиданно услышал протяжные жалобные вопли; они раздавались как будто близко, хотя кругом не было видно ни одной живой души.

Сойдя с лошади, я припал ухом к земле и тут не только убедился, что стоны исходят из-под земли, но даже различил при этом голоса моей жены, поручика и груга. В то же время мне бросилось в глаза отверстие каменноугольных копей, черневшее невдалеке. Теперь не могло уже быть никакого сомнения в том, что баронесса и ее злополучные спутники провалились в глубокую шахту. Пустив лошадь в карьер, я поскакал в соседнюю деревню за рудокопами, которым в конце концов удалось, хотя с величайшими усилиями и после долгих приготовлений, вытащить несчастных из этого колодца, глубиной по крайней мере девяносто футов.

Сначала мы вытащили на свет Божий груга, потом его лошадь, потом молодого офицера, его лошадь, наконец баронессу, а за ней ее маленького клепера³. Удивительнее всего в этой истории было то, что при столь ужасном падении не пострадали ни люди, ни животные, не считая легких ушибов и царапин. Все отделались только жестоким испугом. Вы, конечно, понимаете, что об охоте не могло быть и речи. Если же вы, как я подозреваю, успели забыть за время моего рассказа о замечательной легавой собаке, то найдете простительным, что и я позабыл о ней в тот вечер, расстроенный жутким происшествием.

³ Немецкая порода лошадей.

На другое утро мне пришлось отправиться по делам службы в двухнедельную поездку. По возвращении домой я тотчас хватился моей Дианки. Однако никто из домашних не вспомнил в мое отсутствие о ней: вся прислуга думала, что она убежала за мной. Теперь же, к моему величайшему горю, ее нигде не могли найти. Наконец мне пришло в голову: уж не сторожит ли она до сих пор найденную мною дичь?

Страх и надежда заставили меня в ту же минуту поспешить к знакомой поляне. Действительно, к моей невыразимой радости, верная собака делала стойку на том самом месте, где я оставил ее две недели назад.

– Пиль! – крикнул я.

Она рванулась вперед, и один меткий выстрел уложил на месте двадцать пять куропа-ток.

Однако несчастное животное едва смогло подползти ко мне, до такой степени обесси-лело оно от голода и усталости. Мне пришлось взять легавую к себе на лошадь, чтобы доста-вить ее домой, и вы, конечно, понимаете, что я покорился этому неудобству с величайшей готовностью. При заботливом уходе собака совершенно поправилась за несколько дней, а в скором времени помогла мне разрешить загадку, с которой я, по всей вероятности, никогда бы не справился без ее помощи.

Целых два дня я охотился за одним и тем же зайцем; Дианка беспрестанно выгоняла его, но под выстрел он никак не попадался. В колдовство я никогда не верил: для этого я слишком хорошо знал свет и видел слишком много необыкновенных вещей, но тут у меня уже ум заходил за разум. Наконец заяц подвернулся-таки мне, и я пустил ему вдогонку свой заряд. Косой покатился по траве, и как бы вы думали, что я увидел? Четыре лапы были у него под брюхом, а четыре – на спине. Когда две нижние пары утомлялись, он перевертывался, подражая искусному пловцу, умеющему плавать и на животе, и на спине, и бежал опять с удвоенною прытью на двух других парах лап, успевших тем временем отдохнуть.

Никогда после того не видывал я подобного зайца, да и тогда ни за что не удалось бы мне его увидеть, не будь у меня такой чудесной собаки. Дианка же до того превосходила всех представителей собачьего рода, что я без колебаний назвал бы ее единственной и неповтори-мой, если бы этой чести не оспаривала у нее моя же собственная левретка. Та была замеча-тельна не столько своей красотой, сколько необычайной резвостью. Если бы вы, милостивые государи, могли ее видеть, то залюбовались бы ею и не нашли бы ничего странного в том, что я так любил ее и так часто брал с собою на охоту. Служа мне, эта собака бегала так скоро, так часто и так долго, что стерла себе ноги до самого живота, и в последнее время жизни я мог еще использовать ее как таксу, в качестве каковой она прослужила мне не один год.

Но еще в бытность свою левреткой она погналась однажды за молодым зайцем, кото-рый показался мне подозрительно толстым. На мою несчастную собаку было жалко смот-реть: она была щенная, а между тем непременно хотела бежать так же резво, как и порожня. Я, поспевая за нею верхом, порядочно приотстал. Вдруг до меня донесся лай точно целой своры собак, но слабый и нежный. Я не знал, что и подумать. Подъезжаю ближе – передо мной диво дивное.

Зайчиха на бегу принесла зайчат, а моя левретка оценилась, причем число детенышей у обеих оказалось одинаковым. Зайчата инстинктивно пустились наутек, а щенки, также инстинктивно, вдогонку за ними, и мало того, что погнались, но и загнали новорожденную дичь. Таким образом, я окончил мою охоту, загнав шестерых зайцев шестью левретками, тогда как выехал в отъездное поле всего с одной собакой.

Об этой удивительной левретке я вспоминаю с таким же удовольствием, как и об одной превосходной литовской лошади, которой не было цены. Досталась она мне при довольно любопытных обстоятельствах, когда, замечу, я имел случай отличиться как искусный наезд-ник. Происходило это в Литве, в роскошном поместье графа Прщобовского, где я тогда

гостил. Дамы сидели за чайным столом в парадной гостиной, где удерживали и меня, тогда как мужская компания спустилась во двор – смотреть молодого чистокровного скакуна, только что приведенного с конского завода. Вдруг под нашими окнами раздались крики испуга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.